

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ДРУГАЯ ФИЛОСОФИЯ

Писарев Александр Александрович – младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: topisarev@gmail.com

Предлагается сопоставить тезис о противостоянии универсального (философии науки) и партикулярного (истории науки) и отступлении эпистемологии с трансформациями, произошедшими в философии последние десятилетия, и ее связями с исследованиями науки. Также предлагается обратиться к поиску мотива, который мог бы стоять за проектом исторической эпистемологии.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, контингентность, гетерогенность, множественность

HISTORICAL EPISTEMOLOGY: EPISTEMOLOGY AND THE OTHER PHILOSOPHY

Alexander Pisarev – junior research fellow. Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: topisarev@gmail.com

The author considers the thesis about the opposition between the universal (philosophy of science) and particular (history of science), and about the retreat of epistemology in their juxtaposition to the transformations in contemporary philosophy during last decades and its links to science studies. He claims that in order to define historical epistemology project a reason to support this project is to be found.

Keywords: epistemology, history and philosophy of science, contingency, heterogeneity, multiplicity

Один из ключевых тезисов С.М. Гавриленко состоит в том, что философия была постепенно вытеснена с территории исследования форм научного познания рядом исторических и социальных (эмпирических) дисциплин, поэтому обсуждение исторической эпистемологии возможно только в привязке к этой «травме» двойной утраты. Двойной, поскольку, во-первых, эта область и наука как предмет были разделены между множеством акторов и в отсутствие фундаментальных обобщений утратили определенность, во-вторых, философия потеряла одно из своих ключевых исследовательских полей – науку, чьим пастырем и хранителем универсалистских претензий она с давних времен пыталась выступать, претендуя на статус «нормативного метадискурса». Роль наставника или служанки, освещающей путь перед хозяйкой-наукой, была утрачена, и философии оставалось лишь наблюдать со стороны за пиром историзма и релятивизма, скромно пользуясь результатами победителей.

В связи с так очерченной ситуацией и обсуждаемой возможностью исторической эпистемологии возникает вопрос: что стало с философией с тех пор и как могло бы состояться ее возвращение в исследования науки? По порядку: что за философия испытала горечь утра-

ты, не сумев предложить альтернативу эмпирическим исследованиям «нечетких динамических множеств»? Как минимум две ее черты упомянуты. Во-первых, она производит знание о схематизмах и операциях научного познания как универсальных, необходимых и общезначимых. Во-вторых, рассматривает науку как порядок представления («тот элемент, который «видит» и различает философия в науке»). Многообразная критика этих амбиций внутри самой философии и многочисленные попытки выстроить альтернативные мыслительные практики – важная веха в развитии философии во второй половине XX – начале XXI в. **Критика универсалистских и репрезентативистских претензий** почти превратилась в большую гонку философов: кто полнее других изгонит из мышления Большого Врага – метафизику, эссенциализм, репрезентативизм, трансцендентализм, логоцентризм и т. д. Происходившие процессы были радикализацией конечности как неизбежного свойства ситуации человеческого познания и существования и как концептуальной логики, учрежденной в философии Канта¹. Они разворачивались вдали от философии науки, преимущественно в области онтологии, если говорить о региональной разливке, хотя иногда в эксплицитном виде затрагивали и исследования науки, как в случае М. Серра. Это была философия, принявшая историзм, контингентность, плюрализм, локальность и партикулярность как метки мышления, хотя и ценой переструктурирования собственного поля и функционирования. Она стала более гибкой, подвижной и разнимаемой на отдельные составляющие, или концепты («ящик с инструментами»), а центр ее тяжести сместился на границы философии и в сопряженные области.

Почти все «наши» философы пребывают в поисках окольного письма, побочной поддержки, косвенных референций, дабы уклончивым образом перейти к захвату позиций на считающейся необитаемой философской территории [Бадью, 2003, с. 10].

Отчасти именно эти процессы подготовили одну из волн вторжения на обсуждаемые территории. Разве не питались исследовательские проекты И. Стенгерс, Б. Латура, Э. Пикеринга и ряда других авторов их результатами²? Работы А. Уайтхеда, Ж. Делеза, Ж. Деррида, М. Серра и ряда других философов послужили концептуальными ресурсами для многих (разумеется, не всех) представителей исследований науки. На территории, оставленной философской эпистемоло-

¹ См., например: [Хайдеггер, 1997; Кралечкин, 2002]. Европейская философия второй половины XX в. стремилась продумать последствия и пределы этой конечности, за счет чего, возможно, и смогла выйти за пределы собственно философской территории, тогда как философская эпистемология уступила эмпирическим дисциплинам отчасти именно из-за игнорирования этого направления мышления (прежде всего духа, а не буквы этой стороны кантовской критики).

² См., например: [Latour, 2013, P. 287–301; Schmidgen, 2014].

гией, постоянно заключались продуктивные локальные союзы между другими типами философии и историческими и социальными дисциплинами. Эти были не только упомянутые отношения заимствования, но и попытки присвоить имя философии за счет претензии решать ее задачи эмпирическими средствами. Некоторые из представителей эмпирических исследований науки работали на стыке с философией или заявляли о принадлежности своего проекта к философии – например, С. Шейпин, С. Шэффер, И. Стенгерс, Б. Латур, А. Мол. В других случаях утверждение новых течений в эмпирических исследованиях науки и внутренние разломы этой области были сопряжены с перепределением заложенных в фундамент социальных наук философских решений, которое разворачивалось параллельно сходному перепределению оснований в философии³.

Поэтому образ противостояния двух монолитов, универсального (философии науки) и партикулярного (истории науки), и их последующего проблемного соединения в исторической эпистемологии, возможно, не во всем верен. Возможно, он актуален для времен отступления эпистемологии, но изменились обе стороны, поэтому его актуальность требует уточнения. Появились философии с таким концептуальным строем, который претендовал на устранение упомянутых черт мышления, помешавших эпистемологии составить конкуренцию эмпирическим дисциплинам. Стороны противостояния в его нынешнем изводе не так уж чужды друг другу, линия фронта вполне проницаема (и больше похожа на «торговую зону»), на ней ведутся оживленные и продуктивные обмены – пусть даже на микроуровне и локальные, обнаруживаются общие интересы и мотивы.

В обсуждении судьбы исторической эпистемологии как в статье Л.В. Шиповаловой, так и в ответе С.М. Гавриленко есть одна примечательная лакуна. С одной стороны, Лада Владимировна затрагивает важные концептуальные вопросы, касающиеся архитектуры исторической эпистемологии, соотношения в ней исторического и эпистемологического, присущей ей неопределенности. Станислав Михайлович также фокусируется на особенностях концептуального строя возможной исторической эпистемологии, упоминая об искомом антиэссенциализме, антирепрезентативизме, множественности эпистемологических историй и «концептуальном взрыве». С другой стороны, авторы указывают на изменение образа науки под влиянием теоретических инноваций и эмпирических результатов исторических и социальных дисциплин: потеря специфицирующих свойств, неопределенность, множественность.

³ Показателен в этом отношении кантианский контекст дискуссии Б. Латура и Д. Блура, в которой тезисы и риторика Латура оказываются схожи с критикой кантианской рамки современной философии, например, со стороны К. Мейясу и Г. Хармана. См.: [Bloor, 1999, P. 81–112; Latour, 1999, P. 113–129; Мейясу, 2015].

При общем согласии по поводу статуса исторической эпистемологии как возможного проекта и понимании его возможных характеристик не хватает важного вопроса: *чем может быть мотивирован такой проект?* Маневры в богатом и разнородном поле между полюсами философии и эмпирических дисциплин, в конечном счете, зависят от потребности или желания, выступающих в качестве навигационной оснастки. (Реваншистские соображения философии отбросим сразу как непродуктивный вариант.) Вероятно, такой мотив будет внеконцептуальным и отличающимся от того, который руководил прежним проектом эпистемологии. Одну из версий такого прежнего мотива предложили П. Галисон и Л. Дастон:

Вся эпистемология начинается со страха. Это страх, что мир слишком запутан, чтобы разум смог постичь его; страх, что чувства слишком беспомощны, а интеллект слишком слаб; страх, что память проваливается даже между двумя шагами математического доказательства; страх, что власть и конвенция ослепляют; страх, что Бог хранит свои тайны или демоны обманывают [Daston, Galison, 2007, P. 372].

Философская эпистемология стремилась устранить основные риски (например, в виде «идолов») и установить режим безопасности, обеспечивая своими нормативными суждениями прогресс научного познания. Отсюда вырастают упоминаемые Станиславом Михайловичем вопросы о том, что такое наука и что такое знание, в самой формулировке которых заложено желание предпослать исторической вариативности и неопределенности ограничивающую их вневременную сущность и установить норму. С этим же связано болезненное отношение к релятивизму и историзму как принципам, разрывающим замкнутый контур безопасности и открывающим прежде гомогенную область знания для множественности акторов, перспектив и режимов познания и существования и их исторической изменчивости.

Вокруг нового мотива и соответствующей ему проблематики можно попытаться выстроить (неизбежно конкретную) сборку «исторической эпистемологии», учитывающей три серии изменений: области исследований науки, образа науки и философии. Станислав Михайлович предполагает, что историческая эпистемология выражает (выразит?) «тревоги и растерянности» по поводу неопределенности, сопряженной с этими переменами. Эти чувства – но одновременно с ними открытость, скромность – неизбежные спутники исследователя в ситуации контингентности, но они еще ничего не говорят о возможном мотиве. Потребуется вписать его в расширившийся со времен вторжения эмпирических дисциплин контекст изучения знания, охвативший не только новые реальности, но и включивший в той или иной степени ангажированность социальной, политической и эколо-

гической проблематикой. (Важным элементом этого контекста стало утверждение перформативного характера научного исследования и изменение представления о том, что такое исследуемая науками объективная природа.) Возможно, одним из направлений поиска могла бы стать идея контингентности форм научного познания⁴, узловая для обширного списка тем от онтологического статуса объектов науки и природы⁵ до проблематики эмансипации и денатурализации. Такое возможное будущее исторической эпистемологии неотделимо от продумывания следствий и, главное, пределов конечности человеческого существования.

Список литературы

- Бадью, 2003 – *Бадью А.* Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
Блур, 2017 - *Блур Д.* Анти-Латур // Логос. 2017. № 1. С. 85–134.
Гавриленко, 2017 – *Гавриленко С.М.* Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2017. Т 52. № 2. С. 20–28.
Кралечкин, 2002 – *Кралечкин Д.* Фундаментальное различие бытия и сущего как способ обоснования онтологии: Дис... кандидата филос. наук: 09.00.01. М., 2002. 146 с.
Латур, 2017 – *Латур Б.* Биография одного исследования: к работе о модусах существования // Логос. 2017. № 1 С. 217–244.
Латур, 2017 – *Латур Б.* Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Логос. 2017. № 1. С. 135–162.
Мейясу, 2015 – *Мейясу К.* После конечности. Эссе о необходимой контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинет. ученый, 2015. 196 с.
Хайдеггер, 1997 – *Хайдеггер М.* Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997. 176 с.
Daston, Galison, 2007 – *Daston L.J., Galison P.* Objectivity. N. Y.: Zone Books, 2007. 504 p.
Hacking, 1999 – *Hacking I.* The social construction of what? Cambridge, Mssachusetts; London: Harvard University Press, 1999. 272 p.
Pickering, 1984 – *Pickering A.* Constructing quarks: a sociological history of particle physics. Chicago: Chicago University Press, 1984. 475 p.
Schmidgen, 2014 – *Schmidgen H.* Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography. N. Y.: Fordham University Press, 2014. 175 p.

⁴ См., например: [*Pickering*, 1984; *Hacking*, 1999].

⁵ См., например, обсуждение «проблемы доисторического» К. Мейясу: [*Мейясу*, 2015].

References

- Badiou, A. *Manifest Filosofi* [Manifesto for philosophy]. St. Petersburg: Machina, 2003. 184 pp. (In Russian)
- Bloor, D. “Anti-Latur” [Anti-Latour], *Logos*, 2017, No. 1, pp. 85–134. (In Russian)
- Daston, L. J., Galison P. *Objectivity*. New York: Zone Books, 2007. 504 pp.
- Gavrilenko, S. M. “Istoricheskaja epistemologija: zona neopredelennosti I prostranstvo teoreticheskogo voobrazhenija” [Historical Epistemology: zone of uncertainty and space of theoretical imagination], *Epistemology & philosophy of science*, 2017, Vol. 52, No. 2, pp. 20–28. (In Russian)
- Hacking, I. *The social construction of what?* Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1999. 272 pp.
- Hajdegger, M. *Kant i problema metafiziki* [Kant and the problem of metaphysics]. Moscow: Logos, 1997. 176 pp. (In Russian)
- Kralechkin, D. *Fundamental'noe razlichie bytiya i sushchego kak sposob obosnovaniya ontologii. Dissertatsia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskih nauk* [Fundamental difference of being and entities as a way of justification ontology. PhD Thesis]. Moscow, 2002. 146 pp. (In Russian)
- Latour, B. “Biografija odnogo issledovaniya: k rabote o modusakh sushchestvovaniya” [Biography of an Investigation: On a Book about Modes of Existence], *Logos*, 2017, No. 1 pp. 217–244. (In Russian)
- Latour, B. “Devidu Bluru... i ne tol'ko: otvet na “Anti-Latur” Devida Blura” [For David Bloor and Beyond: A Reply to David Bloor’s “Anti-Latour”], *Logos*, 2017, No. 1. pp. 135–162. (In Russian)
- Meyasu, K. *Posle Konechnosti. Esse o Neobkhodimoi Kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Ekaterinburg, Moscow: Kabinetnyi Uchenyi, 2015. 196 pp. (In Russian)
- Pickering, A. *Constructing quarks: a sociological history of particle physics*. Chicago: Chicago University Press, 1984. 475 pp.
- Schmidgen, H. *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography*. New York: Fordham University Press, 2014. 175 pp.